

Новый психофизиологический законъ г. Введенского.

(Замѣтка по поводу его «Вторичнаго вызова на споръ о законѣ одушевленія»).

Въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества, про-
исходившемъ 12 декабря 1892 г. и посвященномъ разбору положеній А. И. Введенскаго о предѣлахъ и признакахъ одушевленія, я высказалъ рядъ замѣчаній, въ которыхъ старался выяснить мотивы своего несогласія съ окончательными выводами почтеннаго автора. Эти замѣчанія были изложены мною устно и не попали въ печатный протоколъ упомянутаго засѣданія. Между тѣмъ послѣ того по поводу брошюры г. Введенскаго «О предѣлахъ и призна-
кахъ одушевленія» возгорѣлась цѣлая полемика. А. И. Введенскій не удовлетворился возраженіями своихъ противниковъ (П. Е. Астафьевъ, Э. Л. Радлова, Н. Я. Грота, кн. С. Н. Трубецкого) и, признавъ свой законъ не опровергнутымъ ихъ аргументами, сдѣлалъ въ кн. 18 «Вопросовъ Философіи и Психологии» вторичный вызовъ на споръ относительно выведенного имъ закона. Въ виду принципиальной важности затронутой г. Введенскимъ проблемы, рѣшаюсь предать печати замѣчанія, сдѣланныя мною въ Психологическомъ Обществѣ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми соображеніями, вызванными отвѣтомъ г. Введенскаго на разсужденія его критиковъ.

Брошюра г. Введенскаго несомнѣнно представляетъ очень интересное и замѣтное явленіе въ современной философской литературѣ, и понятно общее вниманіе, съ которымъ отнеслись къ ней. Г. Введенскій коснулся самаго кореннаго и жгучаго вопроса

въ философскомъ міросозерцанії текущаго столѣтія: это вопросъ о существованіи духовной причинности въ реальному мірѣ. Наша воля, наша мысль, наши желанія обнаруживаются ли какое-нибудь вліяніе на физическая дѣйствія хотя бы нашего собственаго тѣла или совсѣмъ не обнаруживаются, и всѣ физическая движенія на свѣтѣ,—и въ настѣ, и внѣ настѣ,—совершаются автоматически, какъ въ машинахъ? На огромныя послѣдствія того или иного решенія мнѣ уже приходилось неоднократно указывать. Вопросъ можетъ быть выраженъ и въ другой формѣ: существуютъ ли какіе-нибудь объективные признаки душевной жизни внѣ настѣ или ихъ нѣтъ? Вѣдь если въ людяхъ все происходитъ машинообразно, тогда у насъ не будетъ ровно никакихъ оснований предполагать, что эти машинальныя дѣйствія неизменно сопровождаются психическими явленіями: сопровождаются они ими или нѣтъ, въ ходѣ этихъ дѣйствій отъ того ничего не должно измѣниться. Напротивъ, если механическая послѣдовательность автоматическихъ движеній какъ-нибудь нарушается или направляется психическими воздействиіями, въ самыхъ этихъ нарушеніяхъ мы будемъ имѣть совершенно объективный признакъ существованія нѣкоторыхъ нематеріальныхъ двигателей жизни, а характеръ нарушеній можетъ доставить болѣе или менѣе вѣроятное свидѣтельство однородности ихъ источника съ нашею собственною душевною дѣятельностью.

Мнѣ кажется, г. Введенскій на 6 стр. своей брошюры даетъ вполнѣ вѣрную характеристику своей проповѣди: онъ «договорилъ до конца уже давно высказанныя положенія», онъ «поставилъ точку надъ і». Дѣйствительно, онъ защищаетъ дѣло, имѣвшее горячихъ защитниковъ задолго до него: онъ утверждаетъ то, что утверждалъ Декартъ (по крайней мѣрѣ, относительно міра животныхъ), что Спиноза выразилъ въ ученіи о строгомъ параллелизмѣ модусовъ протяженія и мышленія, что Лейбницъ облекъ въ свою поразительно искусственную теорію предустановленной гармоніи. Теперь старыя метафизическая формулы брошены, но не исчезло воззрѣніе, которое когда-то въ нихъ вылилось. Напротивъ, въ наше время больше чѣмъ когда-нибудь это воззрѣніе нужно считать господствующимъ, и не только среди матеріалистовъ, реалистовъ, новокантіанцевъ и позитивистовъ, но даже, какъ ни странно это, въ значительной степени и среди философовъ спиритуалистического направленія. Созна-

ніє только «эпифеномень», только сопровождающее обстоятельство физическихъ процессовъ, строго обусловленное ими въ своемъ содержаніи, но ихъ, съ своей стороны, никакъ не условливающее, — вотъ взглядъ, который, въ виду его общепризнанности, излагаются даже въ учебникахъ. Однако до сихъ поръ этотъ взглядъ не покидалъ почвы убѣждений метафизического порядка: онъ являлся выводомъ изъ умозрительныхъ посылокъ, но его не рѣшались выставлять какъ строго эмпирическое обобщеніе. Г. Введенскій отважился на этотъ шагъ. Эпифеноменизмъ сознанія онъ провозгласилъ «новымъ психофизіологическимъ закономъ». «Матеріальные процессы во всѣхъ безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ *всегда* такъ, какъ еслибы никогда и никогда не было душевной жизни» *), «тѣлесная жизнь, насколько она доступна эмпирическому познанію, всегда бываетъ такой, что все равно, сопровождается ли она душевной жизнью или нѣтъ» **), — вотъ къ чему сводится «законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія» или просто „законъ одушевленія“ ***), по г. Введенскому. И этотъ законъ въ его глазахъ не есть только метафизическая теорема: отъ всякихъ метафизическихъ предположеній г. Введенскій отрекается; въ своемъ законѣ онъ видитъ лишь обобщеніе фактовъ опыта ****), — не больше и не меныше.

Что сказать о стремлениі г. Введенскаго подвергнуть разрѣшающую имъ проблему пріемамъ эмпирическаго изслѣдованія? Конечно, ему нельзя не сочувствовать отъ всей души. Если почтенный авторъ достигъ своей цѣли, если ему въ самомъ дѣлѣ удалось открыть «новый психофизіологіческій законъ», человѣческая мысль можетъ только поздравить себя съ прекращеніемъ спора, давно раздѣляющаго философовъ на два враждебные лагеря, — спора, въ которомъ однако же до сихъ поръ оружіемъ для обѣихъ сторонъ служила лишь изощренность отвлеченої діалектики. Съ доказанными истинами опыта борьба невозможна. Пускай выводы, вытекающіе изъ «закона одушевленія» безотрадны, пускай они глубоко расходятся съ внушеніями общечеловѣческаго здраваго смысла, — признаніе истины для философа должно

*) 3 положеніе г. Введенскаго («Вопр. Филос. и Псих.» кн. 16, стр. 116).

**) О предѣлахъ и признакахъ одушевленія, стр. 30.

***) «Вопр. Фил. и Псих.», кн. 18, стр. 122.

****) О пред. и призн. од., стр. 31—32.

перевѣшивать всѣ другія соображенія. Однако, чѣмъ важнѣе результаты, къ какимъ приводить «законъ одушевленія», тѣмъ болѣе строгой критической оцѣнкѣ должны подлежать основанія, на которыхъ онъ устанавливается. Вѣдь сразу легкѣ замѣтить, какъ много самыхъ сложныхъ, разнообразныхъ и широко распространенныхъ процессовъ жизни онъ въ себѣ захватываетъ, категорически приводя ихъ къ совершенно опредѣленному, хотя и отрицательному, общему выраженію. *Автоматизмъ всякой жизнѣ дѣятельности* — таковъ ясный и простой смыслъ «новаго психофизиологическаго закона». Какими же аргументами обосновывается г. Введенскій его эмпирическую достовѣрность?

И вотъ здѣсь мы приходимъ къ наиболѣе слабому пункту брошюры г. Введенскаго. Доказательства уважаемаго автора довольно подробны и длинны, иногда даже трудно не согласиться съ нимъ, что они «утомительно длинны». Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, читатель выносить изъ нихъ какое-то странное и неловкое впечатлѣніе. Чѣмъ больше въ нихъ вчитываяешься, тѣмъ рѣшительнѣе убѣждаешься, что авторъ, при ихъ построеніи, впаль въ одну изъ двухъ логическихъ ошибокъ, а можетъ-быть и въ обѣ вмѣстѣ, такъ какъ онъ, повидимому, не всегда даетъ себѣ полный отчетъ въ приемахъ своей аргументаціи. Въ самомъ дѣлѣ, ходъ мысли у г. Введенскаго не совсѣмъ ясенъ, — можно толковать его на-двоемъ; но совершенно ясно, что при одномъ толкованіи его разсужденій они представляютъ прямое нарушеніе правила: *a posse ad esse non valet consequentia* (отъ простой возможности нельзя заключать къ дѣйствительности факта); при другомъ толкованіи соображенія автора являются несомнѣнныи *circulus in demonstrando* (доказательство новаго вывода имъ же самимъ, черезъ его заранѣе допущенное признаніе). А какое-нибудь еще третье толкованіе движенія мысли въ доказательствѣ «закона одушевленія» едва ли возможно придумать.

Дѣйствительно, какъ онъ доказывается? Авторъ изображаетъ споръ между догматикомъ и скептикомъ. Догматика онъ заставляетъ доказывать *нѣобходимость* или *неизбѣжность* предположенія душевной жизни въ другихъ людяхъ^{*)}). «Напротивъ, скептикъ утверждаетъ **), что «всякое *наблюдалное* въ другихъ людяхъ

^{*)} О предѣлахъ и признакахъ одушевленія, стр. 11.

^{**) Ibid. стр. 10.}

явленіе будетъ тѣлеснымъ и всегда можетъ быть объяснено безъ помощи душевной жизни, какъ результатъ чисто-матеріальныхъ процессовъ», «что факты, которые онъ наблюдаетъ въ людяхъ при помощи внѣшнихъ чувствъ могутъ быть объяснены и безъ всякаго участія душевной жизни» *). Въ результате довольно продолжительного состязанія, въ которомъ каждая изъ спорящихъ сторонъ отстаиваетъ свою точку зренія на отдѣльныхъ примѣрахъ человѣческихъ дѣйствій, получается признаніе «закона отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія» за доказанную истину. Однако слишкомъ ясно, что смысьлъ всей аргументаціи скептика всецѣло зависитъ отъ того, какъ понимать эти слова: *можетъ* и *могутъ*? Хотѣлъ ли скептикъ сказать, что мы такъ мало знаемъ о механизмѣ мозга и нервной системы, что для нашихъ предположеній о немъ открыты всякія возможности, и поэтому не будетъ логического противорѣчія, если мы вообразимъ, что все въ немъ совершаются автоматически, безъ малѣйшихъ вліяній какихъ бы то ни было психическихъ двигателей? Или онъ думалъ сказать гораздо большее: что въ нашемъ мозгѣ и на дѣлѣ вѣсъ процессы автоматичны, подчиняются только механическимъ, физическимъ, химическимъ законамъ и никакимъ другимъ, и что поэтому мы *обязаны* видѣть во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ лишь порожденіе причинъ материальныхъ? Изъ этихъ двухъ толкованій — какое болѣе отвѣчаетъ мысли автора? Повидимому, первое: вѣдь не даромъ же доказывать положительнымъ образомъ свой тезисъ онъ принуждается только догматикомъ; для скептика онъ признаетъ достаточнымъ ссылаться на мыслимость чисто-механическихъ объясненій всякаго человѣческаго поступка. Но спрашивается, этимъ способомъ можно ли получить «законъ одушевленія» въ смыслѣ г. Введенскаго, какъ бесспорное и фактически несомнѣнное обобщеніе?

Представимъ себѣ такой случай: положимъ, убитъ человѣкъ, и пріѣхалъ судебній слѣдователь, чтобы открыть виновниковъ преступленія. Родные и знакомые убитаго настойчиво увѣряютъ, что онъ дѣйствительно злодѣйски умерщвленъ и высказываютъ даже свои догадки о личности убийцы. Но слѣдователь только что пріѣхалъ, онъ совсѣмъ еще не знаетъ обстоятельствъ дѣла, а утвержденія родственниковъ и близкихъ кажутся ему, съ пер-

*) Ibid. стр. 11. Курсивъ вездѣ — подлинника.

ваго взгляда, голословными или во всякомъ случаѣ не решающими вопроса съ абсолютной достовѣрностью. И вотъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ подробному разслѣдованію, онъ вдругъ объявляетъ: «Друзья мои! Вы не доказали съ необходимостью и неизбѣжностью, что этотъ человѣкъ убить кѣмъ-нибудь постороннимъ, не доказали и того, что виновникомъ злодѣйства было именно то лицо, которое вы подозрѣваете. Итакъ, будемъ думать, что умершій убилъ самъ себя; дѣло прекратимъ, а духовной власти предоставимъ лишить покойника, какъ самоубіцу, церковнаго погребенія». Не правда ли, такого слѣдователя мы назовемъ человѣкомъ опрометчивымъ и своего назначенія не исполнившимъ?

Между тѣмъ г. Введенскій поступаетъ совершенно такъ, какъ этотъ воображаемый слѣдователь: вліяніе душевной жизни на тѣлесную не доказано съ необходимостью и неизбѣжностью,—итакъ, его абсолютно *нѣтъ*; всѣ дѣйствія всѣхъ живыхъ тварей автоматически вызываются материальными причинами, какъ будто бы сознаніе въ мірѣ совсѣмъ отсутствовало; «материальные процессы во всѣхъ безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ всегда такъ, какъ если бы нигдѣ и никогда не было душевной жизни»,—это законъ природы. Вытекаетъ ли однако сколько-нибудь одно изъ другого? Вѣдь изъ невозможности безспорно доказать вліяніе сознанія на дѣйствія людей и животныхъ слѣдуетъ только возможность *сомнѣваться* въ этомъ вліяніи, но какъ же, *только на эпомъ основаніи*, безъ дальнѣйшихъ околичностей утверждать, что такого вліянія совсѣмъ не существуетъ, что это нужно признать непоколебимымъ закономъ положительной науки? Развѣ изъ недоказанности въ данный моментъ какой-нибудь гипотезы можно выводить непремѣнную истинность гипотезы противоположной? Усвоивъ такую методу разсужденія, скоро порѣшили бы мы всѣ философскія и научныя трудности! Единственно, что имѣль право допустить г. Введенскій, это *возможность* своего предположенія рядомъ съ предположеніемъ его противниковъ. Хотя нужно добавить, что такая субъективная возможность предположенія не представляетъ даже ручательства за его логическую мыслимость. Кажущаяся равноправность самыхъ противорѣчивыхъ предположеній въ вопросахъ обѣ отношеніи между душевными и тѣлесными явленіями не служитъ ли просто яркимъ свидѣтельствомъ нашего глубокаго невѣжества въ этой области? Когда намъ что-нибудь

совсѣмъ неизвѣстно, мы уже не въ состояніи дѣлать различія между болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями, для насть всѣ они одинаково хороши, какъ въ сумерки всѣ кошки сѣры. Во всякомъ случаѣ, какъ отъ возможности что-либо предполагать заключать къ вѣрности данного предположенія?

Или, можетъ быть, я неправильно понялъ смыслъ аргументовъ скептика въ брошюре г. Введенскаго? Быть можетъ, его скептикъ съ самаго начала за безспорное утверждаетъ, что всѣ человѣческие поступки возникаютъ чисто механическимъ путемъ, совершенно независимо отъ присутствія или отсутствія въ человѣческомъ организмѣ душевныхъ явлений? Но такое заранѣе сдѣланное признаніе не есть ли уже ясно выраженный «законъ одушевленія», какъ его понимаетъ г. Введенскій? Что же выходитъ? Общий выводъ, устанавливаемый въ брошюре, послѣ цѣлаго ряда соображеній, лишь на 30 стр., оказывается допущеннымъ съ первыхъ шаговъ разсужденія, какъ иѣчто непрекаено достовѣрное, и положеннымъ въ основаніе всѣхъ соображеній, его же доказывающихъ. Не имѣемъ ли мы здѣсь одинъ изъ очень типичныхъ случаевъ того логического промаха, который именуется *circulus in demonstrando?* И чѣмъ оправдать такое возведеніе чистаго автоматизма жизненныхъ процессовъ въ человѣкѣ въ достоинство непоколебимой аксиомы? Умозрительные философы въ своихъ сужденіяхъ обѣ этомъ предметѣ весьма расходятся между собою, да г. Введенскій и не ищетъ метафизического решенія интересующей его проблемы. А какихъ-нибудь эмпирическихъ оснований для построемаго имъ «новаго психофизіологическаго закона» г. Введенскій вовсе не приводитъ, и едва ли было бы возможно указать ихъ, особенно при современномъ состояніи знанія.

И г. Введенскій такъ увлеченъ страннымъ ходомъ своей мысли, что онъ пропускаетъ соображенія, которыя, казалось бы, прежде всего должны были представиться при защитѣ его окончательныхъ заключеній. При первомъ знакомствѣ съ его брошюрою я былъ крайне удивленъ отсутствиемъ въ его разсужденіяхъ единственного аргумента, о которомъ можетъ быть серьезный разговоръ и который обыкновенно выдвигаютъ впередъ всѣ сторонники механическаго взгляда на человѣческую жизнь: я разумѣю ссылку на законъ *сохраненія энергіи* и на несовмѣстимость съ этимъ закономъ воздействиій сознанія на материальные процессы человѣческаго организма. Я не считаю это доказательство

убѣдительнымъ и подробно объяснилъ мотивы такой оцѣнки въ моихъ «Положительныхъ задачахъ философіи»; но все-таки должно признать, что изъ всѣхъ доказательствъ въ пользу механическаго міровоззрѣнія это одно имѣетъ дѣйствительно внушительный видъ. И г. Введенскій имъ пренебрегъ. Въ своемъ «Вторичномъ вызовѣ» *) онъ объяснилъ, почему поступилъ такъ: онъ сознается, что именно предположеніе о томъ, что законъ сохраненія энергіи распространяется на всѣ явленія не только мертвой, но и живой природы, привело его къ «закону одушевленія»; тѣмъ не менѣе онъ считаетъ себя не вправѣ опираться на это предположеніе, такъ какъ оно «далеко не доказано». Нельзя не отнести съ глубокимъ сочувствіемъ къ заявлению, столь ясно свидѣтельствующему о философской искренности уважаемаго автора. Но какъ же не видить онъ, что онъ отнимаетъ имъ всякую научную почву у своего «психофизиологического закона» **)? Въ самомъ дѣлѣ, въ распоряженіи г. Введенскаго остается только одинъ аргументъ: каждое душевное явленіе сопровождается какимъ-нибудь материальнымъ процессомъ

*) Стр. 127.

**) Въ виду нѣкоторыхъ неясностей въ изложеніи „закона одушевленія“ у г. Введенскаго, я, пожалуй, могу ждать одного возраженія. Можетъ-быть, г. Введенскій скажетъ, что въ предшествующихъ замѣчаніяхъ смыслъ выведенного имъ закона переданъ невѣрно, что онъ вовсе не хотѣлъ присвоивать ему того категорического значенія, которое я ему приписываю, и что все содержаніе этого закона сводится къ слѣдующему: мы можемъ, если намъ это угодно, при разсмотрѣніи дѣятельности живыхъ существъ, совсѣмъ игнорировать происходящіе въ нихъ психические процессы и останавливаться только на физическихъ причинахъ движений, совершаемыхъ этими существами, хотя бы въ дѣятельности жизни сознанія вовсе и не была лишена реального вліянія на ихъ тѣлесныя дѣйствія. Однако, такое ни къ чему не обязывающее, чисто-методологическое правило, возможно ли назвать, безъ явнаго злоупотребленія терминами, „новымъ психофизиологическимъ закономъ“? Вѣдь законами природы мы называемъ не тѣ условныя,—иногда произвольныя, иногда завѣдомо-ложныя и одностороннія,—предположенія, которыхъ мы дозволяемъ себѣ въ цѣляхъ удобства и схематической простоты изслѣдованія, а достовѣрныя обобщенія объективныхъ фактовъ въ ихъ реальной послѣдовательности и связи. Поэтому если „законъ одушевленія“ справедливъ, никакіе акты сознанія не могутъ оказать ни малѣйшаго дѣйствія на какія бы то ни было тѣлесныя движения въ насъ или въ насъ; напротивъ, если душевная жизнь гдѣ-нибудь видоизмѣняетъ своимъ вліяніемъ послѣдовательность явленій материальныхъ; тогда „законъ одушевленія“ есть все, что угодно, но только не законъ науки. Я уже не говорю о томъ, что далеко не всегда удобно практически прилагать

въ нашемъ тѣлѣ; итакъ, при объясненіи человѣческихъ поступковъ, мы всегда можемъ подставить эти материальные процессы на мѣсто отвѣчающихъ имъ психическихъ состояній и, стало-быть, предполагать еще существованіе этихъ послѣднихъ не будеть никакой нужды *). Но развѣ, если два ряда явлений сопровождаются другъ друга, это непремѣнно значитъ, что они развились бы въ томъ же самомъ порядкѣ и въ томъ случаѣ, еслибы мы ихъ разобшили? Когда, наприм., я ѿду верхомъ, каждое мое движеніе сопровождается движеніемъ лошади и наоборотъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что лошадь шла бы совершенно такъ же и тогда, еслибъ я не сидѣлъ на ней?

Замѣчаніе сходное съ тѣмъ, какое вызываютъ положительныя доказательства «закона одушевленія» у г. Введенскаго, можно сдѣлать и обѣ отвѣтахъ, которые онъ даетъ на возможныя возраженія противъ его взглядовъ. Онъ подробно и внимательно останавливается на тѣхъ возраженіяхъ, которыхъ менѣе всего приходятъ въ голову читателю, потому что они, если только законъ г. Введенскаго истиненъ, устраниются сами собой. Но онъ или

приведенное выше методологическое правило: вѣдь самъ г. Введенскій настаиваетъ, что въ иныхъ случаяхъ неизмѣримо легче провести *психологическую* точку зреянія, а въ другихъ *физиологическую* (О пред. и призн. одуш., стр. 71).

Наконецъ, г. Введенскій, быть-можетъ, захочетъ подчеркнуть чисто-гносеологический характеръ своего закона, предложивъ такое его толкованіе: возможно, что состоянія сознанія обнаруживаются нѣкоторое направляющее дѣйствіе на материальные процессы нашего организма; но эти видоизмѣняющія вліянія сказываются въ такихъ ограниченныхъ предѣлахъ, что они навсегда останутся недоступными для наблюденія; итакъ, для человѣческаго познанія этихъ вліяній какъ бы совсѣмъ не существуетъ. Едва ли однако трудно замѣтить недостатки этого объясненія: прежде всего, откуда г. Введенскій можетъ знать о такой ограниченности взаимодѣйствія между психическими и физическими явленіями, которая никогда не позволяетъ уловить фактъ этого взаимодѣйствія прямымъ или косвеннымъ наблюденіемъ? И далѣе, если онъ дѣйствительно знаетъ, что отношеніе душевной и тѣлесной сферы именно таково, тогда онъ долженъ согласиться, что наше существованіе подчинено не его психофизиологическому закону, а нѣкоторому другому и даже прямо противоположному: душевная жизнь оказываетъ совершенно реальное вліяніе на тѣлесную жизнь, хотя въ очень тѣсныхъ границахъ. Поэтому не будетъ несправедливымъ утверждать, что „законъ одушевленія“ не доказанъ, какъ законъ психофизиологическій; онъ одинаково не доказанъ, какъ законъ гносеологическій; онъ имѣетъ очень условную и гадательную цѣну, какъ методологическое правило.

*.) О пред. и призн. одуш., стр. 28.

совсѣмъ умалчиваетъ, или упоминаетъ только вскользь о соображеніяхъ, которыя представляются уму прежде всего и которыя подвергаютъ серьезному сомнѣнію самое существо выведенного г. Введенскаго *). Я остановлюсь на самомъ важномъ между ними, потому что въ немъ, какъ мнѣ думается, всего скорѣе слѣдуетъ искать ключа къ тому, существованіе чего г. Введенскій такъ рѣшительно отвергаетъ, —къ *объективнымъ признакамъ чужого одушевленія*.

Странное дѣло! Непосредственно и прямо мы наблюдаемъ, конечно, лишь физическія явленія виѣшняго міра. Чужая душевная жизнь отъ насъ скрыта, какъ справедливо настаиваетъ г. Введенскій,—ея содержаніе мы можемъ только угадывать. Если даже признать факты непосредственнаго воспріятія чужихъ мыслей и чувствъ, или того, что называются *умственнымъ внушеніемъ*, нельзя не согласиться, что эти факты, въ сколько-нибудь ясной и отчетливой формѣ, встрѣчаются рѣдко. И тѣмъ не менѣе независимое существованіе материальнаго, физическаго міра отвергается сравнительно легко. Можно представить цѣлый списокъ великихъ имень, означеновавшихъ себя смѣлымъ отрицаніемъ вещественной дѣйствительности. Берклей, Кантъ, Фихте, Шопен-

---

*) Наприм., уважаемый авторъ очень подробно объясняетъ (стр. 53), почему мы, однажды подставивъ себя на мѣсто другихъ существъ, начинаемъ предугадывать ихъ *какющуся душевную жизнь*, но онъ почти совсѣмъ обходитъ слѣдующіе вопросы: почему въ иныхъ случаяхъ намъ гораздо удобнѣе предположить душевную жизнь, чѣмъ въ другихъ? Почему, предположивъ чужое сознаніе, мы получаемъ несомнѣнную способность предугадывать *виѣшнее поведеніе окружающихъ лицъ*? Почему, наконецъ, въ зависимости отъ сдѣланныхъ психологическихъ предположеній, мы можемъ предугадывать это поведеніе ложно или вѣрно? Вѣдь, казалось бы, если душевная жизнь никакого вліянія на тѣлесные процессы не обнаруживаетъ, мы не только могли бы съ одинаковымъ правомъ признавать и отвергать, гдѣ хотимъ, *одушевленіе вообще* (на чемъ настаиваетъ г. Введенскій), но являлось бы совсѣмъ безразличнымъ и то, какое именно одушевленіе мы приписываемъ тому или другому существу. Конечно, г. Введенскій на это отвѣтитъ, что каждый феноменъ сознанія сопровождается особымъ физиологическимъ процессомъ, что поэтому, приписавъ какому-нибудь лицу определенный характеръ, мы eo ipso предположили въ немъ определенный физиологический строй, который и позволяетъ намъ предугадать будущіе поступки этого лица. Однако вся бѣда въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы не имѣемъ ровно никакого понятія о физиологическихъ процессахъ, сопровождающихъ наши сложныя душевныя состоянія. Дѣйствія нашихъ близкихъ мы предсказываемъ только на

гауэръ въ этомъ отношеніи единодушны, а вѣдь они—создатели настоящихъ эпохъ въ развитіи философіи. Въ переживаемое нами время, при широкомъ господствѣ различныхъ развѣтвленій феноменизма, позитивизма и новокантіанства, едва ли найдется много философовъ, которые смотрѣли бы на нее обыкновенный человѣческій умъ, -- при существующихъ условіяхъ философскаго анализа она очень быстро превращается въ субъективный миражъ нашей чувственности. Совсѣмъ другая судьба вѣры въ независимое бытіе, рядомъ съ нами, подобныхъ намъ одушевленныхъ существъ. Самые отважные умы не рѣшаются въ немъ серьезно сомнѣваться, несмотря на то, что ихъ общія философскія воззрѣнія, казалось бы, нерѣдко еще болѣе говорили въ пользу сомнѣнія въ этомъ бытіи, нежели въ реальности матеріального міра.

Отъ чего это зависитъ? Чѣмъ диктуется эта непобѣдимая вѣра въ существование другихъ я, кромѣ нашего? Выростаетъ ли она всесѣло изъ слѣпого инстинкта и непосредственного чувства? Или въ ея возникновеніи играютъ роль и чисто-логическія побужденія, притомъ настолько могущественные и очевидныя, что ихъ не въ силахъ затмить никакая софистика одностороннихъ мета-

---

основаніи приписанныхъ имъ душевныхъ явленій, а о физіологии при этомъ обыкновенно не думаемъ вовсе. Не вытекаетъ ли изъ этого, что психическія явленія *сами по себѣ* служатъ показателями или признаками нѣкоторыхъ определенныхъ рядовъ вицѣальныхъ дѣйствій, ими обусловленныхъ? А не становится ли тогда неизбѣжнымъ и обратный выводъ, что наблюдаемые ряды вицѣальныхъ дѣйствій являются вѣроятными объективными признаками нѣкоторыхъ определенныхъ психическихъ состояній? (Наприм., когда мы видимъ, что какой-нибудь человѣкъ,ничѣмъ къ тому не понуждаемый, помогаетъ другому человѣку, мы скорѣе предположимъ въ немъ милосердіе, чѣмъ злобу.) Г. Введенскій, съ своей точки зрѣнія, долженъ отвѣтить на это (стр. 107), что разъ мы допустили чужое одушевленіе, мы тѣмъ самымъ вынуждаемся давать различное психологическое толкованіе различнымъ, по характеру, дѣйствіямъ, но что самаго чужого одушевленія мы могли бы и не предполагать. Однако такое раздѣленіе представляется и схоластическимъ, и темнымъ. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу оснований, почему признаніе извѣстныхъ психическихъ мотивовъ, при объясненіи тѣхъ или иныхъ поступковъ нашихъ близкихъ, должно непремѣнно потерять въ своей вѣроятности (разъ оно ее вообще имѣетъ), если мы, не со средоточиваясь исключительно на измѣреніи возможностей иныхъ психическихъ мотивовъ, вмѣсто предположенныхъ (наприм., чтобы вмѣсто милосердія), облечемъ вопросъ въ болѣе общую и простую форму: существуетъ ли въ данномъ случаѣ извѣстный психический мотивъ или его совсѣмъ нѣтъ?

физическихъ гипотезъ? Отвѣтъ г. Введенскаго на эти вопросы ясно высказанъ въ его брошюре *): признать бытіе другихъ одушевленныхъ существъ заставляетъ насъ сознаніе нашего нравственного долга. Но въ своемъ «Вторичномъ вызовѣ» онъ, подавленный сильными возраженіями своихъ противниковъ, уже отказывается отъ такого объясненія **): онъ полагаетъ, что не нравственное чувство служить психологическимъ источникомъ общай вѣры въ чужое одушевленіе,—оно будетъ этимъ источникомъ только впослѣдствіи, для будущихъ поколѣній, когда они наконецъ убѣдятся, что «законъ одушевленія» есть истина, и поймутъ, что кромѣ нравственныхъ мотивовъ нѣтъ другихъ оснований вѣрить въ существованіе нашихъ близкихъ. Мнѣ представляется, что г. Введенскій сдѣлалъ бы еще лучше, еслибы допустилъ гораздо большія оговорки. Я не буду долго останавливаться на томъ очевидномъ соображеніи, что нравственное чувство не есть способность объективнаго познанія, что оно внушиаетъ намъ обязанности въ отношеніи подобныхъ намъ одушевленныхъ существъ, когда мы убѣждены въ реальности послѣднихъ, но что само по себѣ оно вовсе не заставляетъ насъ принимать одушевленность даже и тамъ, где для того нѣтъ разумныхъ поводовъ. Святые отшельники, удалявшися въ пустыню, обладали очень высокимъ нравственнымъ настроениемъ; однако ихъ возвышенная святость не побуждала ихъ обращаться съ окружающими ихъ камнями и скалами, какъ съ людьми. Между тѣмъ праведникъ, повѣрившій въ «законъ одушевленія», вынужденъ будетъ и къ людямъ относиться, какъ къ камнямъ. Существуютъ и болѣе общія основанія, чтобы не сводить нашуувѣренность въ чужомъ одушевленіи только къ голосу чувства или какого-бы то ни было инстинкта. Вѣль съ одинаково непоколебимымъ убѣжденіемъ мы признаемъ сознательную дѣятельность подобныхъ намъ существъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ отдаленномъ, давно исчезнувшемъ прошломъ, и когда не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ воспріятіи или какихъ-нибудь нравственныхъ обязанностяхъ. Если, употребляя известный примѣръ Фенелона, мы найдемъ на необитаемомъ островѣ прекрасную мраморную статую, мы заключимъ, что на этомъ островѣ

---

*) Стр. 100—106.

**) Стр. 138—139.

когда-то были люди, и что найденная статуя есть создание талантливаго художника, и наша увѣренность въ этомъ нисколько не уменьшилась бы, еслибы намъ по разнымъ признакамъ доказали, что эта статуя находится на островѣ съ незапамятныхъ временъ и, стало - быть, ея творца давно неѣтъ на свѣтѣ. Мы повѣримъ въ прошлое существованіе художника единственно потому, что мы знаемъ, что эта статуя не *могла бы* возникнуть безъ техническаго умѣнья и творческаго генія. И еслибы намъ было съ полною очевидностью доказано, что на нашемъ островѣ, раньше настѣ, дѣйствительно никогда никакихъ людей не было, мы скорѣе подумали бы о чудѣ, чѣмъ приписали происхожденіе статуи простой игрѣ случая. Между тѣмъ, что такое чудо? По наиболѣе общему опредѣленію, чудо представляетъ чрезвычайное вмѣшательство высшей разумной силы въ стихійный ходъ процессовъ природы. Что же, въ приведенномъ примѣрѣ, заставило настѣ прибѣгнуть даже къ идеѣ такого чрезвычайнаго вмѣшательства? Отвѣтъ, кажется, можетъ быть только одинъ: *объясняя непосредственно наблюдаемую дѣйствительность, во многихъ случаяхъ мы совершенно не можемъ обойтись безъ предположенія интеллигенціи, отличной отъ нашей, или,—говоря просто,—не можемъ обойтись безъ мысли о чужомъ умѣ, отъ настѣ независимомъ.*

Въ этомъ, какъ думаю, и заключается разгадка логической силы нашего убѣжденія въ существованіи чужой одушевленности. Мы не можемъ мыслить безъ противорѣчія свою жизнь, если не предположимъ чужое сознаніе или чужой разумъ, представляющіе изъ себя что-то очень сходное съ нашимъ собственнымъ сознаніемъ и разумомъ. Поэтому я долженъ примкнуть къ мнѣнію г. Введенскаго, что наша увѣренность въ чужомъ одушевленіи во все не есть плодъ умозаключенія по аналогіи (отъ сходства виѣщихъ свойствъ къ существованію сходныхъ внутреннихъ свойствъ), хотя я и не могу согласиться съ аргументацией почтенного автора. Нашъ выводъ къ существованію сознанія виѣ настѣ не простая аналогія,— онъ представляетъ несравненно болѣе строгій логическій процессъ,— онъ основывается на дѣйствительной немыслимости противнаго. Аналогія всегда есть доказательство шаткое, — оно оказывается тѣмъ болѣе шаткимъ въ рассматриваемомъ случаѣ, какъ я уже старался показать въ другомъ мѣстѣ *). Вѣдь еслибы въ душевной

*) См. мои „Положительныя задачи философіи“, ч. I, стр. 62—66.

жизни нашихъ ближнихъ настъ убѣждала только аналогія отъ нашего собственнаго я къ присутствію внутренняго я во всѣхъ другихъ людяхъ, выходило бы, что мы, отъ одного только случая сопровожденія явленій физическихъ явленіями психическими въ нашемъ тѣлѣ, умозаключаемъ къ безконечному множеству такихъ случаевъ во всѣхъ человѣкообразныхъ тѣлахъ. Громадность логического скачка въ такомъ обобщеніи едва ли нуждается въ поясненіяхъ. Оттого физическая явленія, въ нашемъ собственномъ опыте соединенные съ нѣкоторыми опредѣленными психическими состояніями, обладаютъ далеко не одинаковыми достоинствомъ въ смыслѣ доказательствъ чужого одушевленія, хотя они должны были бы представляться равносѣбными, еслибы нашими заключеніями къ существованію чужого одушевленія руководила только аналогія. Наприм., еслибы у насъ явился серьезный поводъ сомнѣваться, видимъ ли мы предъ собою настоящаго человѣка или очень искусно устроенный и похожій на человѣка автоматъ, мы еще не считали бы дѣла рѣшеннымъ, еслибы замѣтили, что лицо предполагаемаго автомата очень живо выражаетъ горе или радость, хотя бы изъ внутренняго опыта мы очень хорошо знали, что въ насъ это выраженіе всегда сопровождается какимъ-нибудь изъ названныхъ чувствъ; но если этотъ автоматъ вдругъ заговоритъ и станетъ осмысленно отвѣчать на наши вопросы, всѣ наши недоумѣнія сразу окончатся,—мы поймемъ, что передъ нами разумный человѣкъ, а не машина. Что же убѣдило настъ въ данномъ случаѣ? Мы руководствуемся простою увѣренностью, что нельзя устроить машину, которая, сама ничего не думая, однако обнаруживаетъ въ своихъ актахъ постоянное размышленіе.

Телеголический аргументъ *), въ его наиболѣе ясной, простой, эмпирически наглядной формѣ,—вотъ что, въ послѣднемъ основаніи, никогда не позволить намъ отказаться отъ предположенія дѣятельной мысли вѣ настъ. Механическимъ, физическимъ и химическимъ процессамъ мы не можемъ приписать того, что не лежитъ въ ихъ существѣ; сложныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій мы не можемъ признать понятнымъ свойствомъ сочетаній элементовъ, которые никакихъ цѣлей не ищутъ. Когда мы видимъ постоянное, сложное, многостороннее совпаденіе, полное идеаль-

---

*) Доказательство отъ цѣлесообразности и осмысленности дѣйствій.

наго смысла, такихъ процессовъ, которые, по своей природѣ, къ этому смыслу (а стало-быть и непремѣнному совпаденію) вовсе не стремятся и въ немъ не заинтересованы,—оно представляется намъ безусловно *невѣроятнымъ* (и въ тѣсномъ, и въ широкомъ значеніи этого слова) безъ направляющей дѣятельности нѣкоторой въ себѣ разумной силы *). Поэтому всеобщій абсолютный автоматизмъ всего, что происходит въ окружающихъ настъ людяхъ и животныхъ, а также и въ нашихъ собственныхъ вѣшнихъ дѣйствіяхъ, есть невѣроятнѣйшее изъ предположеній человѣческой фантазіи: о немъ можно остроумно спорить, но его нельзя ясно и серіозно мыслить. Итакъ, несправедливо утверждать, что только аналогія влечетъ настъ къ вѣрѣ, что люди дѣйствительно думаютъ, когда они осмысленно говорятъ и разумно дѣйствуютъ. Въ пользу существованія разума вѣшна мы имѣемъ доказательство, которое по очевидности и строгости приближается къ доказательствамъ математики. Какъ при выводеніи математическихъ истинъ **), и оно получается чрезъ аналитическое сопоставленіе идей въ ихъ необходимыхъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою: это—идей *совпаденія, случая, разума*. Откуда бы ни брались эти идеи, и въ частности идея разума, въ нашемъ сознаніи, — пускай даже о внутренней природѣ разума, какъ утверждаетъ г. Введенскій, мы знаемъ только изъ своего единоличного внутренняго опыта,—логическая необходимость въ соотношеніяхъ этихъ идей нисколько отъ того не измѣняется. Непрерывно повторяющаяся случайность сложнаго совпаденія явленій въ виду извѣстнаго, опредѣленнаго результата, къ которому однако въ этихъ явленіяхъ, самихъ по себѣ взятыхъ, никакой тенденціи не заложено,—лучше сказать, въ виду *многихъ* результатовъ, которые физически весьма различны и тѣмъ не менѣе всѣ объединены нѣкоторымъ общимъ идеальнымъ значеніемъ ***),— вполнѣ невѣроятна,—она противорѣчитъ себѣ. Итакъ, влияніе идеального смысла окончательныхъ дѣйствій на вызываю-

*) Ср. «Полож. задачи философіи», ч. II, стр. 352—353.

**) Ibid., стр. 54 и дал.

***) Такъ отдѣльные дѣйствія, которыми мы выражаемъ или наше чувство самосохраненія, или наши высшія нравственные побужденія или, наконецъ, работу нашей познающей мысли, могутъ очень различаться по своему физико-химическому составу и все же одинаково хорошо служить своей общей задачѣ.

щіе ихъ процессы, при такихъ совпаденіяхъ есть то, что *единствено вѣроятно*, — другими словами, вѣроятность этого вліянія равняется *достовѣрности*. Вотъ критерій, съ которымъ мы приступаемъ къ сужденію не только о подобныхъ намъ существахъ, но и о продуктахъ ихъ дѣятельности, хотя бы самыхъ отдаленныхъ. Представимъ себѣ, что мы, войдя въ запертую комнату, въ которой мы оставили набросанныя безпорядочной кучей подвижныя буквы, вдругъ видимъ эти буквы правильно расположившимися такъ, что изъ ихъ сочетаній выходитъ цѣлый рассказъ или рядъ назидательныхъ размышленій, — это будетъ для насъ совершенно непоколебимымъ доказательствомъ того, что въ наше отсутствие въ комнатѣ находилось живое, разумное и притомъ грамотное существо. И еслибы даже мы имѣли самое бесспорное основаніе думать, что въ запертую комнату безъ насъ никто проникнуть не могъ, мы готовы были бы, въ объясненіе происшедшаго предположить все, что угодно, но не случайное стеченіе чисто физическихъ причинъ. Мнѣ кажется, даже самъ г. Введенскій, очутившись въ подобныхъ обстоятельствахъ, несмотря на свой законъ, скорѣе прибѣгнулъ бы къ темнымъ догадкамъ о шуткахъ спиритическихъ духовъ, нежели успокоился на мысли, что все тутъ произошло само собою.

Если мы такъ судимъ объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ чужого сознанія, то тѣмъ болѣе убѣдительными являются наши заключенія по отношенію къ существамъ, которымъ сознаніе принадлежить, какъ постоянное свойство: вѣдь у нихъ эти дѣйствія, безъ участія разума совсѣмъ невѣроятныя, совершаются въ неисчерпаемомъ обилии въ каждую минуту ихъ существованія*). И объ осмысленности этихъ дѣйствій мы не только абстрактно умозаключаемъ, сплошь и рядомъ мы ее *испытываемъ непосредственно*. Огромное большинство нашихъ представлений и понятій о вещахъ не нами прямо изъ нихъ извлечены и созданы, мы получаемъ ихъ, только научаясь отъ другихъ людей透过 разнообразные внешніе знаки. Едва ознакомившись съ своимъ роднымъ языкомъ, мы уже воспринимаемъ каждое его-слово нераздѣльно съ обозначаемымъ имъ понятіемъ; мы знаемъ, что высказываемое намъ словами есть *мысль*, т.-е. достояніе разума, и въ то же время со всею очевидностью знаемъ, что эта мысль *не наша*, не нами придумана,

---

*.) Я, конечно, разумѣю здѣсь моменты бодрственной и дѣятельной жизни.

т.-е. что она достояніе *не нашею*, — чужою разума. Это сознаніе возвращается къ намъ въ каждое мгновеніе нашего общенія съ ближними, начиная отъ выслушиванія самой пустой фразы и кончая усвоеніемъ литературныхъ созданій величайшихъ представителей человѣчества. Мы живемъ въ атмосферѣ мысли, и въ наибольшей своей долѣ эта мысль чужая. Здѣсь мы имѣемъ пунктъ, гдѣ *умозаключеніе* къ *разумности* переходитъ въ прямое *усмотрѣніе* или *переживаніе разумности* чужихъ дѣйствій *).

Но, можетъ быть, возразить, что телеологическій аргументъ только и доказываетъ существование нѣкоторой интеллигенціи, отличной отъ нашей, но не идетъ дальше этого? Между тѣмъ для обоснованія бытія сходныхъ съ нами одушевленныхъ существъ нужно нѣчто гораздо большее: для этого нужно показать, что ихъ умъ подобенъ нашему по своимъ свойствамъ и стремленіямъ, что въ каждомъ изъ нихъ онъ облекается въ индивидуальную форму, что, кромѣ процессовъ мышленія и руководимой этими процессами дѣятельности воли, въ ихъ сознаніи протекаютъ ощущенія, чувствованія, эмоціи, сходныя съ нашими. Развѣ нельзѧ, подобно Декарту, предположить, что вселенная управляетъ злымъ демономъ, преслѣдующимъ только одну цѣль, — насы обманывать? Въ этомъ взглѣдѣ не будетъ прямого логического противорѣчія, — между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ возможна гипотеза, что наши ближніе, съ кажущимся самостоятельностью ихъ жизни, суть призрачныя маски, за которыми скрывается единая злая воля всемирного духа. Или чѣмъ можно дѣйствительно опровергнуть воззрѣніе чистаго солипсизма? Развѣ нельзѧ отвлеченно представить себѣ, что, кромѣ меня самого и моихъ ощущеній, нѣтъ никого на свѣтѣ, что весь міръ, а стало-быть и всѣ живыя твари въ немъ, лишь мое собственное обманчивое произведеніе, и что всѣ наблюдаемыя мною человѣческія дѣйствія вызываются безсознательною работой моего собственного разума? И наконецъ, самая эта идея *безсознательнаго разума* развѣ не лежитъ непобѣдимымъ препятствиемъ для нашего права приписывать своимъ ближнимъ сознательную жизнь? Быть можетъ, живущій въ нихъ разумъ не отражается ни въ

---

*) Впрочемъ, я долженъ сдѣлать оговорку, что никакъ не намѣренъ касаться вопроса о *психологическомъ* происхожденіи нашей вѣры въ одушевленіе нашихъ ближнихъ. Я останавливаюсь лишь на тѣхъ ея элементахъ, которые допускаютъ дѣйствительное *логическое* оправданіе.

чъемъ сознани, и они разсуждаютъ, думаютъ, разсчитанно поступаютъ, не сознавая при этомъ ничего?

На это отвѣчу: дѣйствительно, только существованіе чужого разума и реализующей его силы (чужой воли) есть вполнѣ достовѣрная теоретическая истинна. Отъ нея нельзя отречься даже при самыхъ необузданнѣхъ предположеніяхъ скептицизма. Допустимъ, что вся наша жизнь есть только сонъ, а всѣ поступки окружающихъ настъ людей—лишь выраженіе безсознательнаго творчества нашей собственной мысли: вѣдь тогда мы все-таки должны будемъ признать реальность этой безсознательной мысли и какой-то силы, воплощающей ея содержаніе въ нашихъ невольныхъ грезахъ. Эту мысль, эту дѣятельную мощь мы не сознаемъ, какъ *свои*,—по отношенію къ нашему сознательному *я*—это *чужой* умъ и *чужая* воля. Послѣдовательно проводя такую точку зрѣнія, мы должны прйтти къ Фихтевскому различію *я эмпирическою* и *я абсолютнаю*. Постараемся на минуту повѣрить, что всѣ человѣческія движенія въ самомъ дѣлѣ происходятъ чисто-автоматическимъ путемъ: въ сколько-нибудь отчетливомъ видѣ этого можно достигнуть лишь цѣнной признанія *предустановленной гармоніи* между явленіями тѣла и рѣшеніями нашего сознанія; а предустановленная гармонія, какъ извѣстно, предполагаетъ разумнаго Говорца, съ величайшею мудростью устроившаго механизъ вселенной. Итакъ, безъ предположенія чужой интеллигенціи, выраженной въ той или иной формѣ, обойтись невозможно.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находится вопросъ о внутренней однородности душевной жизни нашихъ близкихъ съ нашею собственною: утверждая такую однородность, мы имѣемъ дѣло съ выводомъ только въ *высокой степени вероятности*, но не болѣе. Мы не только наблюдаемъ общій фактъ существованія разумности вѣнѣ настъ,—нераздѣльно съ этимъ мы воспринимаемъ и способы, которыми она проявляется. Испытывая обнаруженія умственной дѣятельности нашихъ близкихъ, мы замѣчаемъ, что она движется тѣми же стремленіями, какъ и наша, что она подчинена такимъ же внутреннимъ законамъ, что для нея положены тѣ же неизбѣжныя границы, что она обращается съ тѣми же непосредственными данными и т. д. Точно также мы усматриваемъ и въ умственныхъ дѣйствіяхъ близкихъ, и въ ихъ поступкахъ вліяніе тѣхъ же самыхъ аффектовъ и чувствъ, какія на-

блюдаемъ въ себѣ, и убѣждаемся, что эти душевныя состоянія возникаютъ у нихъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и у насъ. Такимъ образомъ, и путемъ косвенныхъ выводовъ, и путемъ прямого усмотрѣнія и переживанія, о которомъ я говорилъ выше, мы приходимъ къ увѣренности, что наше собственное сознаніе и сознаніе другихъ людей имѣютъ одинаковую природу. И мы признаемъ это не только относительно умственной сферы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и относительно воли, сердца, способности чувственныхъ воспріятій. Эта увѣренность есть ли иллюзія? Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ очень ошибаться, воображая чужую душевную жизнь. Особенно область внутреннихъ побужденій и чувствъ представляетъ изъ себя загадку, часто неразрѣшимую даже для того, кто ихъ переживаетъ, а не только для посторонняго наблюдателя. Именно въ этихъ явленіяхъ души мы имѣемъ то, что въ ней есть наиболѣе неуловимаго и непередаваемаго, даже при искреннемъ желаніи быть откровеннымъ; нечего и говорить о безчисленныхъ примѣрахъ ложной оцѣнки, внушаемой сознательнымъ притворствомъ. Однако совершенно очевидно, что заблужденія этой категоріи не могутъ служить никакимъ аргументомъ противъ единства психической природы въ человѣчествѣ: вѣдь въ этомъ случаѣ и мы находимся къ ближнимъ въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ они находятся къ намъ.

Поэтому единственнымъ возраженіемъ противъ нашей вѣры въ однородность нашего сознанія съ сознаніемъ, дѣйствующимъ въ другихъ людяхъ, все же остаются лишь гипотезы о міроправящемъ зломъ духѣ, о мірѣ, какъ о нашей собственной субъективной грѣзѣ и т. д. Въ отвлеченномъ философскомъ разсужденіи приходится имѣть дѣло даже и съ такими предположеніями, разъ въ нихъ нѣтъ явного логического противорѣчія, несмотря на ихъ очевидную ребяческую несообразность и произвольность. Тѣмъ не менѣе не будетъ никакой натяжки сказать, что существованіе чужого одушевленія, подобнаго нашему, имѣетъ ровно настолько теоретической вѣроятности, насколько невѣроятно, чтобы міръ подчинялся злому божеству, у которого одна задача вводить въ обманъ свое единственное разумное твореніе, наше я, или чтобы вся жизнь была только нашимъ субъективнымъ призракомъ, неизвѣстно какъ возникшимъ. Не думаю, чтобы такую вѣроятность одушевленности нашихъ близкихъ можно

было цѣнить низко: вѣдь надо помнить, что ни одно обобщеніе о фактахъ опыта не обладаетъ полною, *абсолютною* достовѣрностью, а всегда только *вѣроятно* въ большей или меньшей степени. Во всякомъ случаѣ, конечно, не г. Введенскому ссыльаться на гипотезы злого духа и чистой призрачности жизни: для этого онъ слишкомъ носять печать самой разнузданной и мечтательной метафизики, а г. Введенскій отъ всякой метафизики отказался. Что касается до предположенія совершенно безсознательного духа, о которомъ было говорено выше, то оно, не смотря на свою популярность, полученную имъ благодаря стараніямъ немецкихъ философовъ, прежде всего нуждается въ обоснованіи даже простой своей мыслимости. Абсолютная *бессознательность*, если не употреблять этотъ терминъ въ какомъ-нибудь совсѣмъ необычномъ смыслѣ, обозначаетъ рѣшительное отсутствіе всего, чѣмъ характеризуется психическая жизнь. Безсознательный духъ—это существо, которое думаетъ, ничего не понимая, хочетъ, ничего не желая, ощущаетъ, ничего не чувствуя. Нужны огромныя усилия самой тонкой діалектики, чтобы придать этому понятію хотя бы настолько приличный видъ, чтобы оно не казалось пустымъ наборомъ словъ, уничтожающихъ другъ друга.

Итакъ, существуютъ ли объективно признаки чужого одушевленія? Да, они *существуютъ*, но ихъ слѣдуетъ искать не тамъ, где ихъ не нашелъ г. Введенскій,—не въ отдѣльныхъ явленіяхъ нашей тѣлесной жизни, врозь взятыхъ, и не въ ихъ физическомъ составѣ,—а въ ихъ порядкѣ, въ ихъ связи, послѣдовательности и смыслѣ. Постоянное и безконечно разнообразное совпаденіе, во всѣхъ дѣйствіяхъ подобныхъ намъ тварей на землѣ, чисто-механическихъ двигателей съ ясно наблюдаемыми цѣлями этихъ дѣйствій есть величайший абсурдъ *). Поэтому существованіе независимаго отъ насъ, *объективнаю* разума въ основѣ воспринимаемой нами цѣлесообразности чужихъ дѣйствій теоретически несомнѣнно; и съ другой стороны, сходная съ нашимъ одушевленностью другихъ людей и животныхъ есть предположеніе теоретически вѣроятное въ такой высокой степени, какъ только можетъ быть вѣроятно какое-нибудь эмпирическое обобщеніе. Таковы заключенія, которые вытекаютъ изъ *теле-*

*) См. объ этомъ „Полож. задачи философіи“, ч. II, стр. 365—367 и 380—386.

ологического доказательства чужого одушевления. И вот г. Введенский совсѣмъ не коснулся этого доказательства.

По этому поводу невольно задумаешься надъ печальною судьбою телеологии въ исторіи человѣческой мысли. Было время, когда главную задачу науки полагали въ опредѣлениі высшихъ цѣлей, ради которыхъ существуютъ вещи; при этомъ телеологическимъ принципомъ злоупотребляли съ непостижимою безцеремонностью, и самая наивная нелѣпости выставляли серьезнымъ объясненiemъ феноменовъ природы. Теперь, напротивъ, считается вполнѣ дозволеннымъ не упоминать о телеологии даже и тогда, когда рѣчь идетъ о проблемахъ, приложимость къ которымъ телеологическихъ соображеній, казалось бы, не допускала спора, и при разрѣшеніи которыхъ безъ телеологии нельзѧ сдѣлать ни одного шага. Не характеренъ ли, въ самомъ дѣлѣ, фактъ, что авторъ цѣлой книги о предѣлахъ одушевленія не обмолвился о телеологическомъ аргументѣ въ пользу существованія одушевленной жизни вѣнѣ нась ни единимъ словомъ, — хотя бы для его опроверженія!

Между тѣмъ г. Введенскій имѣлъ меныше права на такое умолчаніе, чѣмъ кто-нибудь другой. Если единственнымъ основаніемъ для выведенного имъ «закона одушевленія» служитъ отвлеченная возможность мыслить, что всѣ человѣческія дѣйствія возникаютъ автоматическимъ путемъ, то вѣдь именно *телеологическая* соображенія обращаютъ эту возможность въ *минимую*: про отдѣльныя звенья нашей дѣятельности, оторванныя отъ остальныхъ, мы дѣйствительно можемъ безъ противорѣчія предполагать ихъ автоматическое происхожденіе, но этого никакъ нельзѧ сказать о нашей дѣятельности, въ ея живомъ, осмысленномъ единстве; въ этомъ пункѣ всѣ механическія объясненія разбиваются о логическую несообразность и немыслимость. Почему же г. Введенскій уклонился отъ возраженій наиболѣе опасныхъ для его взгляда? Никакого отвѣта мы у него не находимъ. Единственная фраза, въ которой говорится о телеологии *), относить, повидимому, всѣ телеологическія сужденія въ область метафизики: «не забудемъ,—говоритъ онъ,—что метафизическія соображенія о смыслѣ и конечной цѣли существованія такихъ или другихъ (одушевленныхъ или неодушевленныхъ) тѣлъ для нась недопустимы: вся

---

*) О предѣл. и призн. одушевл., стр. 14—15.

наша задача состоитъ въ томъ, чтобы сполна разсмотрѣть, что именно откроется предъ нами послѣ отказа отъ всякой метафизики». Однако слишкомъ ясно, что въ телесологическихъ соображеніяхъ, о которыхъ велась рѣчь выше, нѣтъ никакого вопроса о «конечной цѣли существованія». Въ нихъ говорится объ утвержденіяхъ, безъ которыхъ не обходится жизнь людей, даже наименѣе наклонныхъ къ умозрительнымъ занятіямъ: я ложусь спать, чтобы отдохнуть; я строю домъ, чтобы въ немъ жить; я иду на рынокъ, чтобы купить хлѣба,— неужели все это *метафизическая* сужденія? Если такъ, то г. Введенскому слѣдовало бы установить болѣе точное различіе между *метафизическими* и *эмпирическими*. Вѣдь существуетъ точка зрѣнія (и, по моему, она единственно истинная), по которой метафизические элементы такъ тѣсно и многообразно вплетаются въ каждое дѣйствіе нашего ума, что ихъ рѣшительно невозможно удалить изъ этихъ дѣйствій. Но тогда самая попытка рѣшать какой бы то ни было содержательный вопросъ знанія, при абсолютномъ устраненіи всего метафизического, не будетъ ли предпріятіемъ не только празднѣмъ, но и противорѣчащимъ себѣ?

Въ заключеніе, я позволяю себѣ, въ соотвѣтствіе съ вызовомъ самого г. Введенского, поставить ему слѣдующіе два вопроса: 1) Абстрактная возможность мыслить всякую жизнь и дѣятельность, какъ автоматической процессъ, есть ли единственное основаніе его «закона одушевленія», или онъ можетъ указать для этого закона еще какія-нибудь другія основанія? 2) Какимъ образомъ онъ утверждаетъ эту возможность, не смотря на существованіе весьма серьезныхъ возраженій противъ нея, и чѣмъ устраиваетъ онъ эти возраженія?

Л. Лопатинъ.